

ЧУВСТВО РОДИНЫ

За самобытным творчеством Владимира Корнилова я слежу уже более сорока лет — с тех пор, когда впервые он был приглашен иркутскими писателями на Областную конференцию «Молодость. Творчество. Современность» для обсуждения рукописи его первой книги стихов «Я всегда удивляться буду». За долгие годы нашего знакомства Владимир Корнилов не только окончил Литературный институт им. А.М. Горького, но и издал более полутора десятков поэтических книг.

Всегда для нас, писателей, выход в свет новой книги стихов или прозы является большим, незаурядным событием. Вот и сейчас я держу в руках еще пахнущую типографской краской книгу избранных стихотворений «Пой о русской доле», подаренную мне Владимиром и изданную в Санкт-Петербурге при журнале «Невский альманах».

Владимир Корнилов — поэт с удивительно чистым, просветленным чувством Родины. Это чувство не может быть искусственно приобретенным или взятым напрокат, оно содержится в крови, в генах, в родословной. Оно, как малый, жизнелюбивый росток или веточка, отпочковалось от замечательных предков с их любо-

вью к родной земле, с их православной верой, с их необоримой русской силой, неуступчивостью неправедному делу и слову.

В свое время я обратил внимание именно на это качество его поэзии. Наверно, обратил не только я, а еще и руководитель поэтического семинара в Литературном институте им. Горького замечательный русский поэт Владимир Цыбин, иркутский критик Надежда Тендитник и поэт удивительного дара Ростислав Филиппов.

Творчество Владимира Корнилова выстраданно и автобиографично, в нем отчетливо проступают жизнь и судьба поэта:

В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила —
Мою фамилию ковал.

Да, действительно, автор не забывает своей звучной фамилии, своих прадедов, дедушек и бабушек, своих родителей, он помнит их и склоняет голову перед ними, перед великим русским народом, перед его нелегкой жизнью и кровоточащей историей.

Непрерывающаяся цепочка родных имен — это и есть та жизненная ипостась, тот факт биографии, который дает ему возможность говорить о предках с великой нежностью и сыновней любовью. Дает счастье помнить их и воспевать! Вот как эта любовь отражена в стихотворении «Бабушки России»:

Теплоту и материнства силу
Солнышко струит из ваших глаз,
Славные голубушки России,
В сказках детства нянчившие нас!

Владимир Корнилов совершенно не умеет фальшивить в своих чувствах. Он не суетлив и размерен в поступках, справедлив к себе и к другим, искренен и участлив в отношении к близким.

В стихотворении «Смерть деда» поэт горько сокрушается о невозвратной потере дорогого человека, корит себя за то, что «не присмотрел за ним... не уберег»:

Родство с землею крепко много лет,
Не исчезала с милым краем связь.
Ушел из жизни мой любимый дед,
И нить с селом навек оборвалась.

От «Берега детства» до «Смерти деда» протянулась целая жизнь — и в этой жизни, от одного отточия до другого, Владимир Корнилов сосуществует с деревьями и птицами, городом и деревней, светом неутраченной любви и предательством власти, оживающим весной полем и убивающим природу прогрессом.

Страдая и мучаясь, радуясь и трепеща, он живет в жестоком реальном мире и остается воспевающим все это многообразие лириком:

Где бы ни мотали нас года,
От судьбы нам никуда не деться.
Только будут в памяти всегда
Отчий край да островок из детства...

Мне мечтается в дальнейшем творчестве Владимира Корнилова увидеть побольше стихов, в которых бы мятущаяся мысль, ищущая не только земных забот и сияний, но и проникающая в космическую, может быть, даже запредельную глубину, была наполнена приметамы вселенского масштаба и бытия. Как, например, вот в этом стихотворении поэта:

Кто этот наездник, что в желтом седле
По небу рискнул прокатиться?
И вместе с конем растворился во мгле —
Лишь облако следом клубится.
Как будто востока незримый огонь
Он видел сквозь сумрак морозный.
От быстрого бега заиндевел конь,
Хрустят под копытами звезды.
...А здесь на земле, в этот утренний час,
От стужи стонали деревья.
Да всадник, уздечкой коня горяча,
Промчался стремглав по деревне.

Родина. Деревня. Россия. Это для Корнилова не абстрактные понятия, а кровь и плоть его поэзии, поднимающие душу на самую светлую высоту, дающие самую верную, самую точную тональность его лирике, выстраивающие слова в тот присутствующий его голосу порядок, который он обрел и закрепил в сибирской поэзии.

Зимний Никола. Благовест. Колокола. Это нескончаемый свет и животворный звон, перетекающие из символов веры и добра в его строки и строфы, а потом и в сердца читателей.

Земля. Небо. Природа. Это обустройство души поэта Владимира Корнилова, тот Господний миропорядок, с которым он соседствует в поэзии и в жизни — и который воспитал, выпестовал его нежную душу, его чувство Родины.

Владимир СКИФ

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в ту же осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
...Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
...И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой...
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог...
Ковал мечи он, делал стрелы,
Метал зароды на лугу,
Чтоб Русь всегда цвела и пела
На зависть всякому врагу...

Был не велик, но крепкой силы.
Пахал один за четверых.
Услышав клич, прощался с милой —
Коль Русь бралась за топоры.
...В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила —
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на деляне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова, —
Все вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
...И, укутав нас теплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На делянну родить понесло?!»
...Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез.
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополнение привез!»

БАБУШКА

Дед вернулся с войны
Опаленный, седой и небритый.
Ты навстречу неслась,
Чтобы счастья напиться досыта.
И от ласки солдатской,
Пропахшей махрой и грозой,
Мир в глазах посветлел
И по-бабьи пролился слезою.
...Сколько весен с тех пор
Унесли долгой памяти реки?!
Сто метелей седых
Заплутали в одном человеке.

Возле глаз ручейки
Твою женскую долю вместили.
Ручеек к ручейку —
Родниковые души России.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Антонине Павловне Никифоровой

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нем оставили отметины?..
Из родников ее души
Мы опыт черпали накопленный.
...Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...
Мы видим сквозь туман веков,
Как по степи хазары мечутся...
Вот на виду у казаков
Тараса Бульбу жгут над вечностью.
От гари черным был рассвет,
Да горе вдовье колобродило...
И мы в свои тринадцать лет
Осознавали слово Родина...
В словах учительницы — гнев,
И боль, и гордость затаенная.
И представлялась нам в огне
Земля отцов непокоренная...
А стон врагов и стук копыт
Терялись там, вдали, за грозами.
...Но Русь по-прежнему стоит —
В озера смотрится березами.

УСТЬ-КОДА

Как столетья назад,
Здесь все избы покрытые тесом.
И у женщин в глазах —
Та же синь, отраженная плесом.
...На задворках судьбы,
В этом тихом таежном местечке —
Незатейливый быт
С телевизором... с баней у речки...
От столиц вдалеке
И от их суматошного грома.
С миром связь по Оке —
Да и то лишь паромом.
...Сыновья-города
Пусть деревню за это не судят.
Усть-Кода, Усть-Кода! —
Островок человеческих судеб.

СЕНОСТАВ

Здравствуй, лето мое Падунское! —
Смех и песни под щебет птах.
Здесь раздолье лугов июньское!
Шаг упруг и широк размах.
Косы тонко над лугом тенькают.
Дали вызвонил сенокос.
Косари, как ватага Стенькина, —
В этом буйном разгуле трав...
Небо светится синим донышком,
Распогодилось — знай коси!
Сверху огненной птицей солнышко
Сторожит сенокос Руси.

ЛЕСЯ

Задремало село в ночи.
День в заботах померк давно.
Даже в клубе гармонь молчит:
Нынче Федор устал, должно.
...Из седла не окинешь степь.
Хуторок — тот и впрямь пропал.
Он всего-то на восемь стен
И полынью насквозь пропах.
Тридцать верст до него езды.
Мнут копыта седой ковыль.
Следом луч от степной звезды
Серебрит голубую пыль...
Вот мигнул огонек в степи,
Свет в окошках всю ночь не мерк.
Это Леся моя не спит —
Обещал: «Прискачу в четверг...»

ГОРОЖАНКИ

В дни страды на празднике земном —
Свято чтя ее обычай древний —
На току, заваленном зерном,
Горожанки трудятся в деревне...
Непривычен им крестьянский труд.
Тяжелы шершавые лопаты.
Только от мозолей не режут —
Уж такие русские девчата...
Соберутся в клубе вечером.
День в степи погаснет за стогами.
Выйдет в пляс иная с пареньком —
Брызнет дробь под звонким каблуком,
Дрогнут половицы под ногами.

...Сколько страсти в танце озорном?!
На Руси танцуют так издревле...
На току, заваленном зерном,
Горожанки трудятся в деревне.

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ ГАРМОНИСТА

Наш Степан-гармонист загулял —
Золотой юбилей он справлял.
...Клуб закрыт, и закрыт сельсовет:
Все к Степану спешат на обед.
На столах разносолов не счесть.
Выпил чарку — и есть чем заесть...
Расплескалось веселье вокруг
От гармонии, зовущей на круг.
Даже бабки — Степана родня, —
Подбоченясь, поют у плетня:
«Я молодою задорной была,
Самой первой плясуньей слыла.
Выйду в пляс — крикну — шире края!
Ох ты, хонька-махонька¹ моя!»
...Трое суток село ходуном —
Пьют и пляшут — согреты вином.
Праздник душу Степана объял,
Широко он, по-русски гулял —
У гармонии осипли меха,
Женщин чуть не довел до греха:
Каждой словно подлил кипяток —
Не смолкает лихой топоток.
Пыль столбом — и, как бубен, земля.
А Степан выдает кренделя!..
...Дед Егорий, Степана хваля,
Пел на дудке, народ веселя.
Сам приплясывал музыке в такт —
Видно, раньше плясать был мастак:
Глянь, как ходит под дедом скамья!
«Ох ты, хонька-махонька моя!»
Даже эхо, в округе звеня,
Поохрипло за эти три дня.
...Покидая веселия круг,
Все остынут не враз и не вдруг:
Есть у праздников мера своя.
«Ох ты, хонька-махонька моя!»

¹ Хонька-махонька — диалектное выражение, под которое на Южном Урале часто исполняют плясовые песни.